

Слово народов

«Слово за народами!».
Эта мысль была высказана после окончания Женевского совещания четырех министров иностранных дел председателем немецкого совета борцов за мир В. Фридрихом.

Решающее слово принадлежит народам — этой уверенностью проникнуто опубликованное еженедельными газетами Обращение Бюро Всемирного Совета Мира.

В течение трех дней — с 11 по 13 декабря — в Хельсинки происходила сессия Бюро Всемирного Совета Мира. С трибуны сессии выступали ораторы, прибывшие в Финскую столицу из разных стран. В их выступлениях прозвучало требование широчайших народных масс — сохранить мир. Обращение Бюро Всемирного Совета Мира призывает людей всех стран «действовать и предпринимать различные шаги, чтобы остановить гонку вооружений и добиться первых соглашений по сокращению вооружений и запрещению атомного оружия».

«Дух Женевы» — проявление самостоятельной борьбы миллионов за мир, порождение воли народов. Именно эта воля привела к сознанию того, что международные разногласия могут быть ликвидированы путем переговоров, привели к успеху Женевского совещания в Женеве. Теперь, после второго Женевского совещания, мы оправдываем возлагавших на него надежды. Все люди доброй воли ясно сознают свою возрастную ответственность за сохранение мира.

Гонка вооружений отравляет жизнь народов, жизнь каждого человека. Она ухудшает международную атмосферу и создает угрозу военных конфликтов. Разве не ясно, что действительное сокращение вооружений нанесло бы сокрушительный удар военной угрозе и очистило горизонт от грозных туч войны? Это позволило бы высвободить огромные средства для мирных целей, для борьбы с нуждой.

Соглашение по вопросу о сокращении вооружений возможно. Это показала работа комиссии ООН. Первоочередное значение для сближения различных точек зрения имеет позиция Советского Союза, отстаивающего, как известно, конкретный и реальный план разоружения и запрещения атомного оружия. Западные державы пытаются подменить этот план предложением о контроле и инспекции, не приняв конкретных мер для сокращения вооружений. Но эта попытка поставить телегу впереди лошади может привести не к контролю над разоружением, а лишь к контролю над вооружением. В противоположность этому предложению Советского Союза направлены в сокращению вооружений при эффективном международном контроле над его осуществлением.

Огромное, жизненно важное для всех народов значение имеет проблема запрещения ядерного оружия. Нужно ли говорить, что это оружие усугубляет опасность войны, создает угрозу истребления миллионов людей, уничтожения городов и сел? Всемирное движение сторонников мира последовательно и решительно, на протяжении долгих лет ведет борьбу против оружия массового уничтожения. Миллионы людей поставили свои подписи под Стокгольмским Воззванием. Миллионы людей откликнулись на призыв Всемирного Совета Мира и подписали Венское Обращение. Эти подписи, собранные в разных странах, среди людей разных взглядов и политических убеждений, выражают волю народов. Первым шагом на пути к запрещению ядерного оружия должно быть обязательство — не применять его, запретить его испытания.

В апреле будущего года Бюро Всемирного Совета Мира созывает чрезвычайную сессию Всемирного Совета Мира, посвященную проблемам разоружения и запрещения ядерного оружия. Все, кто тревожится гонимой вооружений, могут высказать на этой сессии свою точку зрения. Все международные и национальные организации, ученые, деятели культуры, рабочие, крестьяне смогут обменяться мнениями по этому вопросу, внести свой вклад в решение важнейшей проблемы современности.

Факты показывают, насколько назрела такая острая необходимость и как полезна будет эта встреча. В Японии, например, состоялся съезд различных организаций, борющихся за мир, где была принята декларация с требованием отказа от войны. В других странах также происходили конференции с участием представителей общественных, религиозных и пацифистских организаций. Завтра в Италии должен открыться Национальный съезд сторонников мира. В связи со съездом итальянский профессор Роберто Чесси произнес слова, которые, несомненно, поддерживают все сторонники мира: «Мир не является подарком, которым одарят небольшую группу привилегированных, а правом, которого требует народ для того, чтобы осуществить свои высокие задачи; он является предпосылкой прогресса и средством цивилизации».

Народы полны решимости отстоять мир. Сокращение вооружений поможет восстановить атмосферу доверия в отношениях между странами, приведет к ослаблению международной напряженности. Действительно, может ли быть доверие, когда у собеседника в кармане поджак спрятан револьвер? А ведь именно этому подобен принцип ведения переговоров «с позиции силы», который до сих пор пытаются применить некоторые круги западных держав.

Сокращение вооружений послужило бы урегулированию многих спорных проблем, устранило бы основное препятствие для успеха переговоров между великими державами. В таком важном вопросе, как вопрос о европейской безопасности и воссоединении Германии, главным препятствием являются наличие замкнутых военных группировок, стремление западных держав возродить германский милитаризм и включить перевооруженную Германию в НАТО и Западноевропейский союз. Принятие решения о сокращении вооружений способствовало бы разрешению этих важных проблем.

Миллионы простых людей освободятся от постоянного страха, если прекратится гонка вооружений. Когда государство вооружается до зубов, страх не может исчезнуть. Разоружение, эффективный контроль над ним дали бы возможность ликвидировать страх и недовере.

Советская общественность приветствует Обращение Бюро Всемирного Совета Мира. Советские люди на протяжении многих лет активно участвуют в усилиях народов всего земного шара, добиваясь сокращения вооружений, запрещения ядерного оружия и установления эффективного международного контроля над разоружением. Советское правительство проявляет неоднократно добрую волю в поисках согласованного решения этих вопросов. Позиция Советского Союза нашла свое подтверждение в Совместном Заявлении Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, Члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева и Премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. В Совместном Заявлении говорится, что для установления мира во всем мире и ликвидации условий, ведущих к опустошительным разрушениям новой мировой войны, нет иного пути, кроме пути разоружения, безусловного запрещения производства, применения и испытания ядерного и термоядерного оружия и установления эффективного международного контроля за выполнением такого запрещения и разоружения.

Народы стремятся к миру. Они полны решимости помешать возрождению «холодной войны» и отстоять «дух Женевы». Движение за разоружение превратится в самую мощную всемирную кампанию и привлечет всех, кто хочет мира, благополучия, счастья и спокойной жизни.

Народы скажут свое веское и требовательное слово.

Больше бумажек для книги!

Удивительно знакомый запах встречает вас на пороге этого зала. Лишь потом вы догадаетесь: здесь пахнет, как в книгохранилище. В горячем, влажном воздухе разлит тонкий аромат бумаги. А вот и бумагоделательная машина номер три — самая быстрая и самая производительная на Немане. Длинное ее туловище, сверкающее цилиндрами и валами, с железным мостиком по краю, похоже на гигантский локомотив. Но локомотив этот стоит на месте, а сама бесконечная бумажная дорога днем и ночью стремительно несется сквозь него.

Сколько бумаги может сделать такая машина? Нетрудно подсчитать. Ведь известна ширина полосы, известна скорость ее движения, известен и вес квадратного метра бумаги.

— Сорок тонн? — произведя в уме нехитрые подсчеты, спрашивает у своего спутника, смеяного инженера Соловьева.

— Точно, сорок тонн в сутки, — отвечает он.

— А план на нее какой? — Тридцать две тонны.

— Значит, вы его перевыполняете? Соловьев горько смеется: — Немало тысяч тонн задолжалась издательству.

— Как же это получается? — Сама увидитесь...
Более года назад «Литературная газета» критиковала работу калининградской группы бумажных предприятий. Говорилось тогда и о простом из-за плохого снабжения древесной и о неумении использовать внутренние резервы, и о малых скоростях бумагоделательных машин, и о роли министерства во всем этом. Теперь мы решили вновь побывать у калининградцев, посмотреть, что изменилось.

На снабжение древесной, как известно, жалуются все бумажные предприятия. Но калининградская группа оказалась в особенно тяжелых условиях. Калининградцы получают баланс издалека, главным образом с севера — из Архангельской области и Карело-Финской республики. В нехватке древесины присоединяются трудности

НЕТ, НЕ ВИДНО ПОКА ПЕРЕМЕН...

Письмо из Калининграда

транспортные. Вот и сейчас на базе в Котласе лес есть, но нет вагонов.
— Каких вагонов? — недоумевая, спросит читатель. — Ведь из географии известно, что Калининград — незамерзающий морской порт, а Архангельск Беломорско-Балтийским каналом связан с Ленинградом, тоже, как известно, морским портом. Не проще ли, не разумнее ли вести лес водой?

Нет, оказывается, не проще.
В Калининградском морском порту я разговорился с капитаном одного судна.

— Вот где этот проклятый баланс у нас сидит, — сказал моряк, похлопав себя по загорелой щеке. — Умеем же мы обработать его как следует! Возьми любой раз — заложуешься им. Без коры, чистенький, аккуратный, хоть сейчас в целлофан его завернуть! А для Калининграда вещь — смотреть противно. Вылавливая из воды какие-то корявые грязные бревна, все судно они тебе загадят, кора гнить начнет... Ну, да это бы еще победы — судно вымыть можно. Но я тоннаж едва на пятьдесят процентов использую. Бревна неаппетитные, «в шубе» (в коре) — они ведь больше места занимают!

Приходится ли удивляться, что морской флот неохотно берется за эти перевозки, что большую часть баланса для калининградских предприятий несут по железной дороге, что вагонов не хватает и комбина-ты стоят?

Появившаяся на свет сто пядьдесят лет назад бумагоделательная машина, разумеется, не сразу достигла своей нынешней скорости. Ее изобретатель, французский рабочий Луи Робер, в 1799 году не имел в своем распоряжении быстрое движение двигателя. Однако уже в 1902 году максимальная рабочая скорость машины составляла его двадцать метров в минуту. Прошло с тех пор более полувека. И что же мы узнаем теперь? На комбинаете в Советские скорости машины, выпускающей типографскую бумагу, по

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 150 (3495)

Суббота, 17 декабря 1955 г.

Цена 40 коп.

ДЕКАДА ЛАТЫШСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

В Колонном зале Дома союзов

15 ДЕКАБРЯ вечером в Колонном зале Дома союзов открылась литературная часть декады. Она привлекала огромное количество москвичей.

В президиуме — известные латышские и московские писатели, члены правительства Латвийской ССР, секретари ЦК КП Латвии Я. Калнберзин и А. Пельше.

— Приезд деятелей латышского искусства и литературы является праздником для всех нас, — сказал, открывая вечер, К. Симонов.

Он напомнил о большой любви, которую завоевала у читателей латышская литература, и передал гостям от имени московской самой сердечный и горячий привет.

Во вступительном слове Вилис Лацис говорил о прекрасных революционных традициях литературы Латвии, о ее связях с передовой русской литературой. Он подчеркнул, что участники декады готовились к этой поездке в Москву с большим подъемом и вдохновением, желая привезти в подарок Москве самую красивую песню, которая звучит над порогами Даугавы, самые лучшие стихотворения, песни, картины, помогающие нам жить и трудиться.

Аплодисментами встретила собравшиеся собрание о том, что на вечере присутствуют латышский писатель Михаил Саловняк и индийский Кришан Чандр.

На вечере выступили латышские поэты: Валдис Лукс, Валия Брутане, Андрей Валодис, Андрис Веян, Ояр Ваиецис, Бруно Саулит, Фрицис Рокеллис. Они читали свои произведения на латышском языке, а потом — в переводе русских поэтов. Стихи Яна Райниса и Яна Судрабкална прочли артистки И. Званова и А. Мианева.

Было внесено предложение послать телеграмму народному писателю Латвии Андрею Уинту, который из-за болезни не смог приехать в Москву. Предложение было принято под долгие аплодисменты собравшихся.

В заключение вечера состоялся большой концерт, в котором приняли участие мастера искусств, крупней-

Писатели К. Федин, М. Садовнян (Румыния), К. Симонов, В. Лацис, Кришан Чандр (Индия) в Колонном зале Дома союзов

шие музыкальные и хоровые ансамбли Латвии.

У книжных стенов продавщицы латышки, одетые в национальные костюмы, предлагали покупателям книги латышских писателей, а также маленькие, изящно изданные в Риге справочники «Писатели Советской Латвии». Нарасхват раскупились сказки, литература для самых маленьких читателей.

Латвийские театры продолжают знакомить жителей столицы со своими лучшими спектаклями.

Коллектив театра оперы и балета Латвийской ССР показал на сцене Большой театр балет «Сакта свободы», созданный композитором А. Скулле по мотивам пьесы Я. Рай-

ниса. В основу сюжета положена тема борьбы свободолюбивого латышского народа против врагов и поработителей — немецких баронов. Спектакль поставлен молодым балетмейстером Е. Чапна. В роли главной героини — Лелде, являющейся выразительницей чаяний и дум латышского народа и обладающей чудотворной силой — символом свободы, выступила артистка А. Приеде. В спектакле успешно выступили также артисты И. Кошкин, В. Вилдзинь, М. Лиена и другие.

Вчера в Союзе писателей СССР началось обсуждение произведений латышской поэзии. Ответ об этом будет помещен в следующем номере газеты.

Латышские писатели А. Саксе, Я. Судрабкал, А. Броделе

Продажа книг латышских писателей в Доме союзов

Павел БЕСПОЩАДНЫЙ Дружины

(Из поэмы)
Героическим бойцам революции 1905 года в Донбассе посвящается

Дружине!
Товарищ!
Тебя я не вижу,
Огонь государя
Глаза
мне вылетел.
— Ах, ветер!
Здорово, дружок-запекала!
Ты видел,
как пуля мне
сердце клевала.

Мне флагами машут,
Облитыми кровью,
Товарищ —
Наши
С Донбасса,
С Днепровья...
Не простой у нас рейс сейчас:
Самодержиде идем валить!
Пролетарий — рабочий класс —
Должен в Горловке кровь пролить...
А рабочая кровь, братан,
Драгоценней ваши любой!
Если пика рукой взята,
Значит, двигаю на правый бой.
Кали берданку к плечу прижал,
Значит, строгое спусковой курок.
Подвернулся в бою князю,
Бей насильника! Будет прок.

Снег слепит, мороз крепчает.
— Вот нас Горловка встречает.
— Вот она, семья родная,
Трудовая,
боевая.
С ней на приступ двинем с ходу,
Против трона.

За свободу!
...Паровоза перестук...
Словно клыка, взмыла песня,
Жарко жмут друг другу руки —
В перекличку с Красной Пресней.

Горло гудок запевает,
Это — тутангос сигнал...
Горловка братьев встречает:
— Нас Ворошилов пригласил!
Пусть не по форме одева,
Чинно идут, не смея:
Вестники первых Советов,
Дети заводов и шахт.
Льется над Горловкой зимней
Песня, зовущая в бой,
Ставшая радостным гимном,
Другом семьи трудовой:
«Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе»...

Песня походкою строгой
Путь пролагает себе.
Песня плывет над снегами,
Песня волнует сердца.
Песня под алые знамя
Встала в тулукре бойца.
Песня поджвачена разом,
Песня гремит у копра.
Песня прохонит приказом:
Братись за пикн пора!

Казалась Горловка притихшей,
Пустынною и неживой...
Литшь в котелгарке свет.
Над крышей
Дышал дымом сторожевой.
Молчат шивы, застыли клети,
Не слышен эстакадный гул...
Висят канаты, словно плети,
И террикон в снегу уснул.
И вдруг гудок призывным громом
Спустил степенную тишину.

Чувство радости знакомо
Тому, кто выбрал цель одну:
Непоколебимо в сердце честном
Мечту заветную храня,
Идет на приступ с гордой песней
Под вспышки вражьего огня...
Рядом железное равнение,
Дружины поспевают в бой...
«Добьемся мы освобождения
Своею собственной рукой!»
Свисят клинки,
скрепежут пикн,
Сотель ли славы дела?...
Так Горловка в свой

день великий
Сердца отважные зажгла!
Встают заря над терриконом,
Свободы грозная заря...
...Рожня ружья и патроны,
Бегут опричины царя.
И снова бой на терриконе.
Валега крикнул: — Бей верней!
Но что его на землю клонит,
И где она, кто всех родней?
Иль пуля смертная пролегла,
Чтоб он в боях на руднике
На снег непохожимо белый,
Упал с винтовкою в руке?

ПИСЬМО ВАЛЕГИ, НАЙДЕННОЕ НА ТЕРРИКОНЕ
«Дорогие друзья! Знакомцы...
Я желаю вам долго жить!
Знать, что тыма не погасит солнце,
И свободу нежить убит!»
Я желаю вам: так же дружно
Вражий натиск огнем встречать;
Так, как мы, отковать оружие:
Наши начато — вам кончать!»

Я иду по Горловке к заводу —
Там, где Киров смотрит на восход,
Где дрались дружины за свободу,
И добрым их помянул народ.
И за словом оживает слово,
Что навеки внятно в гранит:
«Руку отрубил Кузнецов»...
«Здесь товарищ Гончаров убит».

Здесь каждое место свято.
Где вы проходили, родные...
Где вы открывали пингвин
И первый огонь по врагу.
Здесь дружная Горловка в платом
Свой стяг поднимала
крылатый,
Здесь каждое место — поэма,
Легенда — на каждом шагу.

Наши зарубежные гости
В Москву по приглашению Союза писателей СССР прибыл один из крупнейших прогрессивных писателей Индии Кришан Чандр. Советские читатели хорошо знакомы с его творчеством по сборникам рассказов «Памя и цвет», «Избранное», повести «Когда пробудились пальмы» и многочисленным рассказам, опубликованным в различных журналах.

На Внуковском аэродроме Кришана Чандра встречали представители Союза писателей СССР.

В течение двух недель в Советском Союзе гостила группа чехословацких писателей во главе с председателем Союза чехословацких писателей Яном Драга. Гости знакомы с опытом подготовки и проведения съезда советских писателей в связи с тем, что у них предстоит Второй съезд писателей Чехословакии.

В Москве и Ленинграде гости встречались с видными советскими писателями, руководителями творческих секций, а также посетили редакции «Литературной газеты», журнала «Огонек».

15 декабря группа чехословацких писателей выехала на родину. В Минач и Ц. Штитницкий направились в Киев.

Л. МОГИЛЕВСКИЙ

ПИСЬМА читателей о преподавании литературы, опубликованные недавно в «Литературной газете», с разных сторон освещают один, основной, по-моему, вопрос — школа воспитывает ли молодую любовь и интерес к литературе.

«...Паче всего любви родную литературу...», — писал Саттыков-Шидрин в завещании сыну: не «уважай», «почитай», а именно — «любви».

Не молодое любовное и эстетское знакомство с искусством борется за действительную любовь, бесконечно расширяющую наши представления о жизни, обогащающую идею и эстетически. Разбудить любовь к литературе, выработать хороший литературный вкус — это не второстепенная задача педагога, следующая за главной — передать знания и научить пониманию литературных фактов. Они, эти задачи, неразрывны. Самое познание литературы должно быть эмоционально окрашено, озарено светом красоты.

В произведениях классиков заключено мудрое знание жизни, общества, человека. Глубина и сложность чувств яркости выражения делают их книги непонятными. В них найдена совершенная форма, выработаны стилистические, неповторимые слова из десятков тысяч слов. Красота слова, мудрого, музыкального, меткого, остроумного, захватывает читателя, воздействует не только на его сознание, но и на его эмоции, возбуждая «чувства добрые», направляя его волю на благородные дела, подвиги. Так читают многие и многие, но далеко не все и не все. Почему не все — это дело писателей, а почему не все — это дело школы, преподавателей. В сочинениях типа «Мое отношение к творчеству Некрасова», «За что я люблю Пушкина», «Мое восприятие сатиры Салтыкова-Щедрина» и т. д. мы видим чувства и мечты на меня навело чтение романа «Что делать?» учащиеся часто рассказывают, как изменилось их отношение к творчеству писателя, как безразличия, равнодушие или даже прямо противоположные сменялись интересом, уважением, любовью. По мере того, как — далеко не стихийно — росла их культура, расширялся кругозор, углублялось знание жизни, они лучше стали понимать и чувствовать литературу.

Велика, могуча воспитательная сила красоты! Прекрасно говорит об этом в своем очерке «Выпрямляя» Глеб Успенский. Если искусство способно «выпрямить» искаженное, скрюченное, измученное человеческое существо, то его воздействие на здоровых духом молодых людей неизмеримо более мощно и действенно. Поэтому сейчас основная задача — преподавать литературу в школе, как художественную литературу, особенно для тех из крепко вставших в теорию и практику преподавания пережитков вульгарного социологизирования, освобождая от апробированного формулировок. Нужно разбудить интерес к книге, протянуть нить от литературных образов к мыслям, чувствам, переживаниям учащихся, приучить искать в литературе ответы на вопросы, которые ставятся жизнью. А потом уже само произведение будет возбуждать мысли; еще не придуманные в голову, чувства, не испытанные или смутно переживаемые. Тогда учащиеся будут сами идти к книге, испытывать голод от ее отсутствия.

...Рабфак, 1933 год. В классе — рабочие, многие — участники гражданской войны, почти все — коммунисты, около трети — женщины, есть многодетные. На уроках всегда образцовая дисциплина. Но вдруг в начале урока слышится «Простите, там не по-русски написано!». А задание — содержание «Непокаяния» Сервантеса. «Не покаяние?» — «Нет! Нет!» — «Ну, хорошего в этом мало, придется мне вам прочитать массовые сцены». Читаю десять минут, двадцать... В классе полная тишина, слушают так, как только в рабфаках умели слушать. Но вот с первой парты поднимается студентка Б. и быстро, обогнув мой стол, выходит из класса. Явление небывалое: никто и никогда не выходил с урока, да еще без разрешения! А когда я в перемну проходил по коридору в учительскую, она встретила меня: «Простите, что я выхожу из класса!», — «Смотрю — она в слезах и проливает слезы», — «Я не знала, что все это так опасно, а ведь я в том обещании дочкой двадцать лет ехала и всё... всё это видела своими глазами. Три мои брата — казани — были в коннице отряда, а старшего кулаки повесили еще в станице. Я ж природная кубанская казачка, и все братья — коммунисты... А прочитал, я уехала — дети!..». Я успокоил ее, защитил от грозной старости, а на следующий уроке она, уже без слез, рассказала на той самой «кубанской мове» о таманском походе. И вряд ли эти рабфактовцы знают какую-либо книгу лучше, чем «Железный поток»: так внимательно они его прочитали и прочувствовали.

...Вот разговариваю с ученицей. Тут не приходится заставлять читать: многие рабфактовцы принимали непосредственное участие в коллективизации и прекрасно знали и понимали содержание романа, спорили с тогдашними критическими статьями (не всегда удачными), глубоко и правильно разбирались в образах и идейном содержании книги. Неудовольствие было только одним: нет конца, неизвестно, как пойдет дальше события, какова будет судьба заговора, судьба Остроумова, Лушки.

Учитывая работу моих слушателей в деревне, знание дела, я предложил им в качестве домашнего сочинения написать окончание романа. Нужно было видеть, с каким интересом, прямо страстным вливается за эту тему. Этот рисованный прием в данном случае себя оправдал: сочинения были написаны хорошо. И теперь, вспоминая их содержание, я удивляюсь: — наряду со схематичными решениями судеб героев были и такие, которые приближают к содержанию второй книги романа. С каким интересом они теперь читают продолжение «Подвиги целины!».

Вот в таких случаях не нить, а провод высшего напряжения связывает литературу с жизнью. Там, где автор показывает жизнь полнокровно, во всем ее многообразии и богатстве, молодежь с головой и сердцем уходит в мир его образов и не нуждается в дополнительных формулировках идей. Однако совсем не обязательно самому сначала испытать и пережить то, о чем говорит писатель. Этого невозможно требовать от взрослых, тем более от школьников. Сила избирательности по-настоящему художественного произведения тем и велика, что она переносит читателя в ту обстановку, где жизненный опыт ему необходим, подсказан. Он живет в мире Шекспира, Пушкина, Толстого, воссоздавая благородством Чацкого, как бы сам слышит его речи, дерется на Бородинском поле, совершает подвиги вместе с Оводом, говорит на суде с Павлом Власовым, скачет в бой бок о бок с Павлом Корчагиным, видит и слышит великого Ленина.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
17 декабря 1955 г. № 150

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ

Любить

художественное слово!

ЗАМЕТКИ УЧИТЕЛЯ

Вот в десятом классе изучена поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Декламаторские, игровые чтения — наизусть. Читатели открыты из первой и второй частей. Постылая третья часть читает учитель С. Прото, без ложного пафоса прочитала вступление, сообщила про слезы Канинина и колокольчика неуживчивых шек и... замолчала. Не глядя на нее, спрашиваю тихо: «В чем дело?». Слышу взволнованный шепот: «Не могу спокойно читать: расплачусь». Отвечаю шепотом же: «Плакать не надо, а читать спокойно эту главу и нельзя, она не так написана: возьмите себя в руки и читайте, пусть сквозь слезы!.. Прошло уже больше пяти лет, а ни я и никто из класса не забыл и не забудет этого чтения! Оно было с большими паузами, но такое, что каждое слово поэта шло из души и падало в души слушателей, плакала далеко не одна С. В краткое замечательное слово я процитировала: «Общие слезы из глаз. Сильнее и чище нельзя пригнаться великому чувству по имени — класс!» И пусть в нашей памяти, сердце, душе живет «отныне и навсегда... минута эта вот самая!».

Да, урок литературы — это не только сорокпятиминутный отрезок школьного времени, во время которого объясняют, спрашивают, отвечают, получают отметки и замечания. В эти сорок пять минут передо мной в мире поэзии, плачут, смеются, ненавидят, презирают, любят; и поэтому — воспевают. Сколько ни убеждай, что Пушкин, Толстой, Маяковский — прекрасные художники, «потери эти» впечатления все отведенные пятнадцатиминутные часы, продуктивны и продуктивны красоты, заставив их выучить, но, если учащиеся не прочувствуют этого анализа, художественный текст никогда не дойдет до них полностью. Начало всему — живое слово учителя, хорошее чтение текста в классе, но это — не единственные пути. Музыка на слова поэтов, прекрасные спектакли, удачные экскурсии в музеи, Третьяковскую галерею, работа над интересной для учащегося темой домашнего сочинения — это те пути, ведущие к одной цели: воспитанию интереса и любви к литературе, поэзии.

Однако, видимо, не до всех учащихся доходит высокое благородство идей классической литературы. Много учеников и горючили о том, что наряду со стремлением быть настоящим человеком у части молодежи есть желание лишь казаться таковым, скрывая за комсомольским билетом мелкие чувства и стремления. Здесь и наша вина. Мы не всегда знаем мнения и вкусы своих учеников, удовлетворяемся внешне вполне приемлемыми отстами и сочинениями, где высказаны чужие мысли, а свои, личные, утаены, скрыты.

Изучено творчество Чехова, написаны хорошие сочинения о борьбе писателя с ложностью, с духовным мешанином. Все как будто хорошо, но вот директор дает мне лирическую тетрадь: «Посмотрите, какая лирикой интересуется некоторые ваши ученицы». Смотрю — «модные» песенки с патефонных пластинок разного происхождения, кое-что из пошловатых эстрадных номеров, а самое заветное (с выметками, цветочками) — блестящие, а еще хуже — сердечные, сентиментальные воровские романсы с такой лексикой, что волосы дыбом становятся! В эти дни страна наша чествовала память Г. Х. Андреева. По радио, телевидению передавали его сказку «Святое слово». В эстрадном слове о творчестве Чехова я говорил о живучести пошлости, как перенятка, в среде молодежи, и в доказательство процитировал из лирической тетради некоторые все же удобочитаемые стихи, а потом процитировал отрывок из упомянутой сказки Андреева. Он писал о людях, предвещающих беду соловьям и благоуханию роз музыкальными горшками и трещеткой. Судя по напряженному вниманию класса, выражению лиц, хорошему, здоровому смеху, — результат был. Владелец тетради я не назвал, нотный ли не читал, и она это ошенила, понимаемому, — ее работа изменилась к лучшему.

Всем памятен урок А. Фадеева школе, нам, сдоспешникам, сделанный им в выступлениях на XIX съезде партии. Он говорил, что литература у нас преподается как иллюстрация к истории, к социологическим положениям, без всякого намека на то, что она прекрасна.

В феврале — XX съезд КПСС. Вся страна готовится к достойной встрече своими достижениями в промышленности, сельском хозяйстве, науке, культуре. Достижения есть и у школы, но вот с эстетическим воспитанием дело обстоит иначе: мало тут сделано конкретного и методичного, и авторами учебников, и учителями.

Что же мешает нам преподавать литературу во всем богатстве ее красоты, преподавать как искусство слова? Первым препятствием является, на мой взгляд, отсутствие серьезных трудов по марксистско-ленинской эстетике, где были бы поставлены и решены многие наиболее важные вопросы философии прекрасного и теории искусства. Декларации и декларация на эту тему делу не помогают, особенно не помогают там, где нужно предостеречь от неверной интерпретации эстетики и искусства. А в нашей области есть попытки решить понятие эстетического восприятия литературы до простого знания ее теории, изучения языка. Вряд ли одно это может выработать художественного вкуса, воспитание чувства прекрасного. Теоретическое знание, конечно, должно, но истинное соответствие ученика. Теоретические сведения программа рекомендует давать попутно с изучением истории литературы, а как это делать — предоставляется решать учителю. Отсюда разнородность и различия в качестве теоретических знаний учащихся.

Институт художественного воспитания Академии педагогических наук издал в 1954 году книгу под многообещающим названием «Эстетическое воспитание на уроках литературы и во внеклассной работе». Но большие ожидания каждого, прочитавшего этот небольшой (124 стр.) труд четырех авторов, не оправдались. Авторы больше говорят об этике, чем об эстетике, не дают системы работы, да и не сумели обобщить тот, несомненно, ценный опыт, данными которого они оперируют. Интересно отметить, что сектор методики литературы Института методологии обучения той же Академии обескуражил и подверг критике эту книгу, но тогда, когда она уже была напечатана.

За последние годы все больше стало появляться монографий о творчестве пи-

сателей, но в них мало внимания уделяется художественной специфике литературы. Нужны труды о мастерстве писателей, подобные книгам К. Чуковского «Мастерство Некрасова», М. Исаковского «О поэтическом мастерстве», массовые издания «О писательском труде», нужно больше книг, в которых раскрываются красота, сила и действенность художественного слова. Такие книги помогают доносить до школьников красоту искусства, глубже понимать ее.

Есть и другие причины, мешающие преподаванию литературы.

Многие уроки литературы по необходимости превращаются в уроки истории, так как программы этих двух предметов не координированы. В течение почти всего трехлетнего изучения литературы в старших классах словесник в хронологическом отношении идет впереди историка. И до тех пор, пока курс истории не будет предшествовать курсу литературы (а это будет лишь через четыре года, как нам обещают, когда изучение Конституции СССР будет перенесено из седьмого класса в десятый), преподавание литературы придется заниматься, и немалое время, не своим делом, а делом историка. Ведь нельзя же изучать художественное произведение в отрыве от той действительности, отраженной в нем. Вот почему у многих преподавателей не хватает времени на изучение мастерства писателей.

Что же касается самой программы по литературе, то еще в предвоенные годы она охватывала все основные этапы культурного роста нашего народа, отраженные в искусстве художественного слова. Но постепенно, год за годом, объем материала сокращался и тем самым представление школьников о родной литературе сужалось. Ведь теперь учащиеся почти ничего не знают о Державине, Карамзине, Жуковском, Тютчеве, совремемного — о Достоевском, нет в списках произведений Герцена, от Салтыкова-Щедрина остались лишь сказки, есть попытки исключить и Гончарова.

Кроме того, непонятно, чем руководствовались составители программы, когда они решили, что не стоит изучать в школе образ Софьи из комедии «Недоросль». Софью из «Горы от ума», образы всех женщин из «Героя нашего времени». На весь курс восьмого класса из литературы XIX века оставлены два женских образа: Татьяна Ларина и... Коробочка! (Правда, в описании упоминаются Маша Миронова, жена и дочь городничего). К курсу девятого класса авторы программы оказались милостивее: «изначаль» только тургеневских женщин! Нет в программе любовной лирики Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского.

Мне пришлось быть свидетелем такого случая: в десятом классе идет повторение творчества Пушкина. Ученица уверенно, бойко говорит о лирике Пушкина, ее основных мотивах, подробно и правильно освещает, по учебнику, фольклорную лирику, патристическую, лирику природы, немного говорит о дружбе и дружбе, и плачет. Преподаватель спрашивает: «В стихотворении «Памятник» которое вы хорошо прочитали, не изучаете, Пушкин говорит: «Чувства добрые я лирой пробуждал», какие же это чувства, назовите их». Отвечает: «Любовь к свободе, патриотизм, чувство дружбы, любовь к русской природе...» — «Все?» — ученица молчит. — «Ну, а чувство любви к девушке, женщине?» — Растерянная пауза, а потом нерешительный ответ: «Любовь к женщине — это не доброе чувство!». Оглушительный, дружный хохот класса и конфуз отвечающей показали, что она сказала совсем не то, что думала, а просто пыталась угадать, как «нужно» сказать.

Недостаточно представлена и сатира: за исключением «Прозаседавшихся» Маяковского, нет ни одного сатирического стихотворения. Нет сатиры Некрасова, Горького, не говоря уже об отсутствии «Господ Головлевых». А чувством святой ненависти, благородного презрения ко всем остаткам того, что подло, гадко, жестоко в жизни, необходимо воспитывать, так как еще очень много разных мерзавцев ходит по нашей земле и вокруг! Но такие произведения почти в огромном списке книг, рекомендуемых для внеклассного чтения. Многие же из них должны были найти место в программе, хотя бы при изучении биографий поэтов. И хотя этого нет, ни один преподаватель литературы все же не пройдет мимо многих сатирических произведений, как не опустит он и «Ванхизм» или песни Пушкина, которые тоже обещала программа. Пропуск важных произведений, значительных образов — это, как мне кажется, не разгрузка программы, а только видимость ее. Зачем же это делаем?

Еще сложнее с программой десятого класса: там фактически нет истории советской литературы, обзор ее развития дается только в конце курса, а самый курс состоит из последовательного изучения творчества пяти писателей: Горького, Маяковского, Шолохова, Н. Островского, Фадеева. Составители программы вывели из нее замечательного мастера советской прозы А. Н. Толстого. Творчество же Фурманова, Макаренки, Павленко, Гладкова, Твардовского, Федина только упоминается в заключительном разделе, а у таких мастеров слова, как Демьян Бедный, Пришвин, Исаковский, даже в обзоре не говорится. Вряд ли так можно назвать и учебники, да учащимся представление об истории советской литературы!

Какой же может быть практический выход? Прежде всего, нужно пересмотреть самую методику преподавания литературы. Она, кстати сказать, «обезличена», «стабилизирована» в программах и учебниках, а это для методики не является безусловным достоинством. Ее нужно глубоко переработать применительно к изменившимся условиям работы школьника в связи с политизацией обучения. Учитель получит большое облегчение, если будет более четко определено место текстового анализа в учебном процессе. В связи с новыми условиями совершенно необходимо расширить, углубить методику работы над домашним чтением учащихся, куда войдут произведения, близкие к программе. Следует выработать список книг для обязательного домашнего чтения, и выделить часы на учет его результатов, оценивая начитанность ученика наравне со знанием текстовально изучаемых на уроках произведений (как это было сделано в программе прошлого года).

Тогда не будет, пожалуй, надобности бесконечно сокращать программу по литературе, так как станет ясно, что не обходимо для текстовального изучения, а что — для самостоятельной работы учащихся под руководством учителя. Это только поможет глубине изучения литературы и более эмоциональному восприятию красоты художественного слова в любом произведении, которое ученик прочитает, продумает, прочувствует, обогащая себя идейно и эстетически.

Г. АМИТИРОВ

26 лет на Московском автозаводе имени Сталина существует литературное объединение. Члены объединения часто встречаются с писателями, изучают их творческий опыт. Недавно в гости к заводским литераторам приезжал створейший советский поэт и художник П. А. Радимов. Автозаводцы познакомились с его картинами, слушали новые стихи поэта. На снимке: П. А. Радимов читает свои стихи автостроителям. Фото В. Зуфина

ПЛАНЫ НА 1956 ГОД

Рассказывают редакторы журналов

Читатели «Нового мира» нашли в нынешнем году на страницах журнала несколько новых разделов. Придавая большое значение очерку как жанру литературы, которому особенно оперативно вмешиваться в текущие события, в жизнь страны, своевременно ставить жизненно важные проблемы, мы открывали в последние полгода почти все номера журнала разделом «Очерки наших дней». Так же мы будем поступать и в предстоящем году. В первых двух книгах журнала в 1956 году будут опубликованы очерки, принадлежащие перу писателей, партийных работников, архитекторов, строителей и посвященные проблемам партийной работы, а также вопросам строительства.

Действенным, как нам кажется, оказался раздел «Письма из редакции», название которого продолжает горьковский традицию творческой помощи молодым авторам. Редакция намерена развивать в новом году раздел «Отклики и комментарии», расширяя круг обзора зарубежных изданий, и раздел «Реплики».

Трудно сейчас говорить сколько-нибудь подробно о содержании всех двенадцати книг журнала. Многие из того, что обещают редакции известными нашими писателями и молодыми литераторами, еще не завершено ими. С некоторыми из них заключены соглашения и договоры. Уверенно я могу назвать лишь те произведения, которые будут опубликованы в первых трех книгах за 1956 год. Это — роман А. Бека «Жизнь Березжова» — о советских изобретателях и общественности жизни того времени и «Космос», повесть В. Тендрякова о современной деревне и повесть С. Шипачева «Береговой сок» — первое большое прозаическое произведение поэта; оно носит автобиографический характер и посвящено детству.

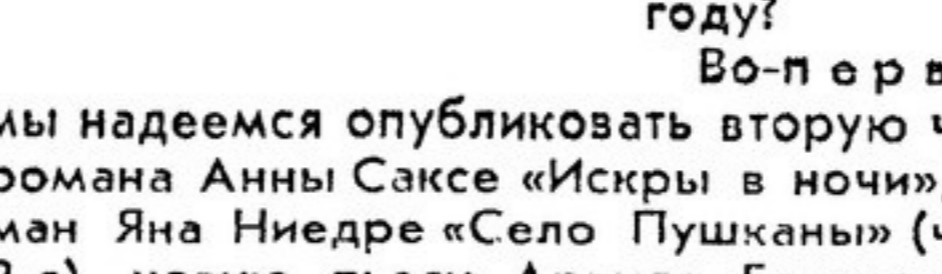
Иностранная литература будет представлена в одном из ближайших номеров писателем А. Миллера «Смерть коммюажера».

В числе поэтических произведений мне хочется назвать публикации в январской книге стихи Сергея Чекарева из его трех тетрадей, недавно поступивших в редакцию «Нового мира». Двадцать два года хранились они в семье трагически погибшего поэта.

Одним из интересных, на наш взгляд, материалов январской книги будет публикация писем к Андрею Карамзину — сыну знаменитого историографа. В этих письмах, полученных им из Петербурга в 1835—1837 гг., сообщается много фактов литературно-художественной и общественной жизни того времени, а главное — подробностей последнего года жизни, души и смерти А. С. Пушкина. Письма найдены на Урале инженером Н. Боташевым, публикуются они с пояснительным текстом И. Андроникова.

Скоро в журнале начнется также публикация мемуаров Л. Любимова «Петербург — Париж — Москва», охватывающих события от предреволюционных лет до наших дней.

К. СИМОНОВ, главный редактор журнала «Новый мир»

Что найдёт читатель в нашем журнале в будущем, 1956 году!

Во-первых, мы намерены опубликовать вторую часть романа Ани Сакс «Искры в ночи», роман Яна Ниедре «Село Пушкина» (часть 2-я), новую повесть Арианда Григулиса и сценарий о легендарном латышском революционере и полковнике Фабрициусе «Железный Мартын», который пишет Юлий Ванга совместно с К. Нагорным.

Во-вторых, мы будем попрежнему широко печатать произведения молодых писателей. Роман В. Эглона посвящен недавнему прошлому и изображает жизнь рабочей рижской окраины во времена буржуазной Латвии. «Скямья подсудимых» — так называется новый роман молодого прозаика Л. Пурса о проблемах воспитания. Драматург Г. Приеде даст нам свою новую пьесу.

В отделе поэзии появятся новые крупные произведения — поэма Монтэ Кропке «Целине и поэма А. Везна «Солнце поднимается все выше». Новые стихи обещали нам Я. Судрабалис и А. Григулис.

В критико-библиографическом разделе будут опубликованы статьи и литературоведческие работы А. Уитера, К. Крауля, Я. Ниедре, В. Меликса.

А. БАЛОДИС, редактор журнала «Карогс»

На армянском и азербайджанском языках

БАКУ. (Наш корр.). В Баку живет и трудится большая группа армянских прозаиков и поэтов. Республиканские издательства регулярно знакомят читателей с их творчеством, а также с произведениями писателей, живущих в Армении.

Несколько книг армянских писателей вышло недавно в издательстве «Азеринер» и Детиздат. На армянском языке изданы повести «Лоза» М. Лавтана и «Тирпак» В. Караказяна, рассказы Г. Петросяна, первая книга стихов Г. Осеяна «Испитание», юбилейный сборник поэтов В. Агасян и другие. На азербайджанском языке только что вышла работа А. Антопяна «Литературные связи армянского и азербайджанского народов».

Письмо Читателя Про Люсиного папу

Мы не собираемся возобновлять дискуссию о положительном герое в литературе. Немало чернил и перьев истратили на нее критики. Но вот прочитали мы в № 22 журнала «Крокодил» за 1955 год произведение Василия Ардаматского «Рассказ про человека и инструкцию» и невольно задумались. Острые своей сатиры и гневный сарказм В. Ардаматский обрушивает на «холодных чиновников» — работников милиции города Ленинграда. Предупреждаем: разговор в нашем письме пойдет не о ленинградских товарищах из милиции, а о «пострадавшем», которого В. Ардаматский представляет как положительного героя.

Суть рассказа В. Ардаматского в том, что работник 35-го отделения милиции Ленинграда не разрешил почевать в гостинице дочери приехавшего в командировку москвича Ивана Васильевича, студентке одного из ленинградских вузов.

— Ах, какие бездушные миллионеры, — должен бы сказать читатель этого рассказа.

Но не будем торопиться с выводами.

Василий Ардаматский пишет: «Иван Васильевич ехал в командировку из Москвы в Ленинград. Там у него училась единственная дочь; в эти дни она заходила лицом инженера, и он специально выхлопотал себе командировку (подчеркнуто мной — Л. Н.), чтобы побыть с дочерью в эти большие для нее дни». После этих первых фраз рассказа читатель невольно настроивается. Экий зовчак Иван Васильевич! Сумеет скомбинировать себе командировку за счет государства специально, чтобы дочку почевать. Не переставая еще, значит, у нас такие «командировочные». Сейчас их «Крокодил» заклеймит, возьмет под охват сатиры, а заодно и тех простодуш, которые разбазаривают государственные деньги на личные командировки. Но что до этого автору рассказа! Не обратив внимания на такие пустяки, он трогательно описывает встречу Ивана Васильевича с дочкой Люсей. Надо же вызвать симпатию к положительному герою. Читатель ожидает, что после встречи Иван Васильевич возьмется за дело. Но где там, ему не до работы!

«В этот день в Ленинграде открывался тридцатидневный фестиваль молодежи, и Люся проехала отца на стадион имени Вирова. Они захватили в гостиницу «Астория» только затем, чтобы снять номер и оставить там портфель».

Правильно! Зачем Ивану Васильевичу портфель? Он не за тем приехал.

«Со стадиона они хотели поехать на остров, но им помешал очередной каприз ленинградской погоды: с моря вдруг полезли свиноподобные тучи, и начал накрапывать дождь».

Наконец-то, думает читатель, авось хоть в дождь герой займется делом. Да нет, куда там...

Л. КОКОСОВ

«Недостатки снижают достоинства»

Человек, связанный с точными науками, хочет передать свой опыт другому. И при этом работает, главным образом, о сути своих пояснений, а не об их безупречности литературной форме. В подобном случае такой подход к делу, пожалуй, не вызовет особых возражений, хотя было бы куда лучше, если бы все грамотные люди обладали способностью говорить живо и красочно.

Но с каким чувством удивления мы встречаемся на страницах литературного альманаха с сухой и унылой статьёй, автор которой пытается говорить как раз о точности и образной выразительности писательского слова!

«Большее внимание языку произведений» — так отгугливаются казенно, бесцельно названная статья М. Федоровой, напечатанная в № 35 «Литературного Вестника» и посвященная разбору рассказов К. Локоткова.

«Наши советские писатели много и упорно работают над языком. Произведения К. Локоткова также свидетельствуют об этой работе, хотя и имеют известные недостатки. Подобные недостатки не только снижают языковые достоинства произведений К. Локоткова, но, рассеивая внимание читателя, ослабляют общественную действенность его рассказов». В канцелярском словотворчестве, как бывает сплошь и рядом, бессчетные слова облекая пустоту. Так и здесь. Нужно ли доказывать, что недостатки снижают достоинства (хотя бы и «языковые»). Ведь это и так ясно. А с какой нарочитой многословностью звучит «указание» об ослаблении общественной действенности рассказов! Не прошле ли было сказать, что плохой язык губит авторскую мысль, губит книгу?

«...некоторые рассказы многое теряют от переподуманных, небрежных по языковому оформлению фраз», — пишет М. Федорова. Что значит: «языковое оформление фраз»? Ведь фраза состоит из слов, как деревянный стул состоит из дерева, а металлическая ложка — из металла. Не скажем же мы: «деревянное оформление стула» или «металлическое оформление ложки»?

М. Федорова находит, что «ряд слов используется автором не с теми грамматическими значениями, которые им присущи в русском литературном языке». Фразу К. Локоткова «Домик выдвинулся далеко во двор» она рекомендует исправить так: «Домик выдвинулся из зелени» (или «из сада»), так как глагол «выдвигаться» употребляет-

ся с предлогом «из», или же: «Домик углубился (или «присаживался») далеко во двор. Нам-то кажется, что К. Локотков сказал лучше.

Есть в статье и справедливые замечания, но М. Федорова пишет так туманно, так явно тратится на пустой фразеологизм, что у литератора многие ее советы либо вызовут чувство протеста, если он силен духом, либо вовсе собьют его с панталюк, буде он слаб.

«Употребление слов терминологического характера должно быть опознаваемо»; «автор надевает те голосеуживую черту»; «затем же приспосабливает ему ворговатые глаза»; «выражение... вышло за пределы литературного языка»; «этой необходимостью нет в значительном ряде случаев у К. Локоткова»; «речь Ткача в целом ряде случаев создает образ старого газетного работника, притянувшегося штампами информации и плохих очерков...». Едва ли можно, изыскивая подобный слог, привить вкус к ясной, продуманной и выразительной речи. Ведь здесь каждое слово насильно втиснуто в противоестественное окружение, будто за волосы притянуто одно к другому.

Анализируя язык произведения, можно говорить о стиле писателя, о его индивидуальной манере письма. Можно ограничиться и уроком грамматики. Иному пишущему человеку и такая помощь полезна. Но только надо, чтобы это был действенный и творческий урок, а не нудный «инструктаж», когда к тому же и сам поучающий грешит ошибками.

Бывает так, что автор, не умея или не стараясь убедительно доказать свои собственные мысли своими собственными средствами, прибегает к авторитету цитаты. А цитата в таких случаях мстит за себя и не только не подтверждает того текста, которым ее окружают, а, наоборот, выступает с ним в явное противоречие. Так и вышло с высказываниями Горького о языке, которыми воспользовалась М. Федорова и в которых заключена справедливая мысль: «Воробья за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за оружейную культуру». Если судить по статье М. Федоровой, то редакция «Литературного альманаха» слабо вооружает литератора для этой борьбы; при всей очевидной благожелательности оказала писателю на этот раз нечто вроде медвежьей услуги.

Л. МИХАЙЛОВА

БОЛЬШОЙ, СЛОЖНЫЙ МИР

Перезданные в прошлом году в Риге, а в этом году в Москве рассказы и повести Андрея Упита раскрывают перед нами большой и сложный мир, к тому же мир, показанный в движении: мы встречаем под разными датами от 1902 до 1930 года: воевавшие и три революции прошли между этими датами.

Конечно, творческое лицо Андрея Упита определяет прежде всего эпопея «Робинзон» и романы «Земля зеленая» и «Пролетар в тумане», но без «малой прозы» представление о его творчестве было бы неполным, обедненным.

Андрей Упит начинал свою литературную деятельность в те годы, когда вся русская реалистическая литература была полна пафосом обличения нищего, несправедливого общественного строя и отдала толпы горячо и пылко, поднятой при разрушении иллюзий и живых догмах капитализма. Максим Горький уже тогда видел и показывал будущих миллионеров капитализма, но только обличал, но и звал на борьбу. Мне думается, что русская литература тех лет не могла не повлиять на творчество молодого Андрея Упита, на становление его реалистического метода.

По сборникам рассказов можно проследить, как растет и мужает молодой Упит, как все больше и больше овладевает он трудным мастерством рассказчика. Здесь видишь, как он возвращается к уже однажды испробованному, чтобы повторить его с большей глубиной и силой. Так, сначала в слабом, сентиментальном рассказе о ниних «В службу» (1903 год), а затем в одном из лучших — «Семейка» (в трех действиях) (1904 год) его герои говорят и делают прямо противоположное тому, что они чувствуют. Нужно было хорошо знать жизнь, чтобы так отметить характерную черту общества, где никто не доверяет друг другу, подозревает врага в своем «близнем». И даже любовь не в силах преодолеть недоверие...

Батрак Анцис оказывается скандные свои вещи и, странное дело, никак не может уложить. Хозяйка хутора уговаривает его остаться.

«Нет, раз сказал не останусь, так и не останусь».

Его обидела, оказывается, батрачка Мада. И вот он уходит. Но каждый следующий шаг делает ему все труднее. На мостике через реку он останавливается и в оцепенении долго смотрит в воду...

...А Мада издала видела, как он ухаживал. Когда Анцис лезет за сапой, ей вдруг пришло в голову, что надо бы сбегать на горку, что за гаремом, набрать белого песку, чтобы почитать посуду. Она переключилась брелку, берет немного песку и будто случайно, с другой стороны, входит на тот же мостик. Анцис словно кто-то берет за плечи и поворачивает к Маде... Вот он держит ее теплые руки в своих и чувствует, как они одна заметно дрожат.

В этот раз Анцис никак не уходит.

Но разворачивается дальше повествование, и мы с огорчением видим, как расстаются горячо любящие друг друга Анцис и Мада. Почему? Ответ на этот вопрос был задан, как зерно в землю, уже в первой главе рассказа. Упит говорит о причинах скупости, но отвечает: «Каждый замкнулся в себе и ждет, чтобы другой попытался овладеть его сердцем. Они не понимают, что оба они в своей любви могут быть равны, им кажется, что один должен помыкать другим... И так они страдают из-за своего упорства, из-за сотен мелочных причин и с отчаянием наблюдают, как с каждым днем ширится безудий между ними поток».

Кстати, Упит может разрешить себе такое прямое, «в лоб», разъяснение оттого, что дальше следует очень напряженная, мастерски написанная сцена расставания.

Мада рвнует Анциса к богатой Лате из Лейнск. И недаром: ведь Анцис раньше к Лате и уезжает с ней в повозке; самовольная Лата намекает, что она наминает

не только батрака, но и сожителя. Анцис молча соглашается. Значит, с прошлой любовью все кончено.

«Ну, будь здоров!» — слышит он такой знакомый и дорогой голос и берет машину руку, не поднимая глаз... Он уезжает, даже не взглянув на ту, которая ему дороже самой жизни».

Какой превосходный, какой лирический и грустный, какой драматический рассказ о том, как двое «не сошлись характерами!» До чего же, право, мы плохо знаем сокровища нашей литературы и как не умеем ими пользоваться! Много пишем и говорим о воспитательной роли литературы, а почему-то не догадываемся выпустить массовым тиражом, например, сборник новелл и рассказов о любви, показав в нем и трагическую ошибку Анциса и Мады, и человеческую ошибку Арнауца, бездарно испортившего свою жизнь глупым честолюбием, и так сильно и чисто любящую Олесю, и «Гранатовый браслет», и «Даму с собачкой», и «Шестую», и «Девушку и смерть», и многие другие жемчужины. Ведь рассказ об Анцисе и Маде — живой, горячий, волнующий сегодня, как пылится лет назад; быть может, даже более волнующий, ибо наша молодежь не задлена нуждой, раскрепощена от отупляющей власти денег и у нее ячее и чище чувства.

У Андрея Упита немало хороших рассказов о любви. В «Шутке» и «Чулесах» он с редкой силой показывает, как в жестоком, пошлом мире приобретателю затанцовывают и осмеивают даже самое понятие любви... Вот в гостинице «Золотой лев» три почтенных разведенных объявляют тишью жут четвертого, лавочника Нахраста, чтобы, как всегда, играть в карты. Наконец, Нахраст является ей, оправдываясь, говорит, что у него заболела жена и «не знаю», с чего бы, а только сердце у меня разболелось...

После первого недоумения приятели раздражаются гомерическим хохотом. «И стоило им на минуту затихнуть, как Катрин, взглянув на Нахраста, восклицала: «Сердце!» — и они смеялись опять, от всей души, не переставая».

Мало того, они с хохотом тащат Нахраста по всему горючку к их общему приятелю аптекару, и здесь, перед аптекой, «начала стелаться толпа... Каказало, смеялся весь горючок, во всех закоулках, на всех углах...».

Скажите: преувеличение, гротеск? Да! Вернее сказать, вполне закономерное усиление. Это обстоятельство очень важно: не считайте невыпадками и не обесцвечивайте существующего, а говоря горьковскими словами, делайте своих героев «с строгом соответствии с их основными свойствами».

В последних литературных списках о необыкновенном и обыкновенном говорилось, что реализм не исключает преувеличений. Да, но только при соблюдении этого необходимого условия. У Андрея Упита есть случаи, когда этот принцип соответствия был нарушен. Но о том речь впереди.

Героиня рассказа «Чулеса» красавица Анна не хочет выходить замуж. «И голос ее звучит грустно и устало: — Ну и что ж? Не могла же я без любви пойти...».

... почти одновременно восклицает Катрина с матерью и осекается. Это слово им кажется таким странным, необычайным, испривчаемым... Они переглазываются, и от стыда их лица быстро заливаются краской. Даже отойти хатается обеими руками за борозу и отводит глаза. В церковном песеннике или в святом писании это слово звучит так ласково, проникновенно, таинственно, но в повеселенной жизни, упоительное в разговоре о практических брачных делах, вызывает неприятное чувство — словно парни, собравшись вместе, озорничая, шепчут о девушках непристойности».

Но если Анна находит силы встать и ко всеобщему удивлению отказывается от богатого и оборотливого жениха, то героиня «Золотых ступенек» (рассказ, почему-то не включенного в московский сбор-

ник) госпожа Крейцберг уже внутренне развращена и опустошена капиталистическим обществом. Жена железнодорожника с глухой станцией, она презирает окружающую жалкую среду. Она — любовница богача и ездит на тайные свидания. Ей кажется, что она любит горячо, безумно, на всю жизнь. Она томится, хиреет, мучается, когда он долго не зовет ее. Но вот он позвал! Торжествуя, она укладывает чемодан и уезжает к любовнику с твердым намерением не возвращаться. И тут оказывается, что ее любовник уже не богат, а нищий, что он разорился. Только тогда и для нее самой и для читателя выясняется: госпожа Крейцберг любила не человека, а богатство, роскошь, хрусталь в серебре и бриллианты. Негодуя, она покладает нижег возлюбленного, чтобы вернуться к мужу.

В том-то и сила реалистического искусства Андрея Упита, что мы осуждаем не только и не столько госпожу Крейцберг, сколько общество, которое так безобразно опустошило человека. «Золотые ступеньки», как, впрочем, и большинство рассказов Андрея Упита, — пример творческого воплощения одного из основных принципов реализма, который превосходно сформулировал В. Белинский: «Частная приватность только до той степени и действительность, а не призрак, до какой она выражает собой общество». На мой взгляд, отступление от этого принципа означает отход от реализма вообще — будь то реализм критический или социалистический.

А теперь попробуем посмотреть, что получилось, когда Андрей Упит однажды отступил от горьковского принципа «строгого соответствия с... основными свойствами». В сборнике «Маленькие комедии» есть цикл сатирических рассказов «Сверхчеловек» («Номо сарпенс», «Рейнис и Юла, или исправленный Шекспир», «В сферах вечности»), и, кроме того, соиздающий по теме рассказ «Большой человек». Как известно, нищенская теория «белогоркой бестии» — «сверхчеловека», которому все дозволено, очень полюбилась мешанам всех сортов и народов, подготовила почву и кадры для фашизма. Еще в те годы, когда Андрей Упит начинал свою литературную деятельность, Максим Горький выступил с «Заметками о мещанинстве». Вы помните: «Нужно было видеть пыльную радость мещанина, когда Ницше громко заговорил о своей ненависти к демократии!». А в «Разрушении личности» Горький писал: «благодаря мещанинству мы пришли от Прометея до хулигана. Но хулиган — кровное дитя мещанина, это плод его чрева». В те годы еще не существовало самого понятия «фашизм», но как верно М. Горький прозревал будущее этого хулиганствующего мещанина!

Сегодня рассказы Андрея Упита о «сверхчеловеках» вызывают чувство некоторой неудовлетворенности: в них показана лишь одна сторона «сверхчеловека». Перед нами вырисовываются пошлость и лживость, лживость, как вырезанные из картона, немного смехотворные словоблуды. По этим рассказам мы не видим, что за обаянием вырисовывается «сверхчеловек» скрывалось звериное лицо фашизма. И, пожалуй, не стоило сегодня перепечатывать эти старые рассказы.

Размеры статьи не позволяют сказать это о многом: о волнующем лиризмее рассказа «На вырубке», об изумительных пейзажах Латвии, великодушном анализе борьбы жалости и церковной морали (конечно, мораль отстывает!) в «Советии», о чудесном оптимизме и жизнелюбии фантастического рассказа об Адаме и Еве «За вратами рая», о живописно сочных рассказах о пасторах, с фигурами, как будто вырезанными из темного дерева! Кстати: почему в рискованное издание не вошли рассказы о пасторах? Разве в Латвии они не были бы столь же действительны, как и в Москве?

Выход на русский язык рассказов и повести Андрея Упита — большое и радостное событие. Великий любящий литературу человек охотно и по праву поставит на свою полку томик этих рассказов.

В. ЛУКАШЕВИЧ

В большом здании на проспекте имени Сталина города Караганды открылась областная детская библиотека. В ней имеется свыше 30.000 томов художественной, научно-популярной и другой литературы. На снимке: юные читатели Гая Лихокова и Маша Иванова выбирают книги.

50-летие Василия Гроссмана

Испнилось 50 лет со дня рождения Василия Семюновича Гроссмана. Секретариат Союза писателей СССР и Московская писательская организация обратились к нему с приветствием, в котором отмечают, что В. С. Гроссман вот уже более двадцати лет неустанно и плодотворно работает на благо советской литературы. В числе наиболее известных и любимых читателей книг по праву могут быть названы и его книги.

«Алексей Максимович Горький, — говорится в приветствии, — предугадал, какие богатые возможности заложены в Вас, поддержав Вас своей заботливой рукой и ввел в литературу. Инженер по образованию, Вы стали инженером человеческих душ».

Все свое творчество В. С. Гроссман посвятил советскому народу, который и является главным героем созданных им произведений. В первом романе «Гюкжауф» — это шахтеры Донбасса, герои наших первых пятилеток; в трилогии «Степан Колчугин» — рабочие, солдаты, крестьяне, под руководством большевиков борющиеся со своими врагами угнетателями.

Героический образ нашего народа стал основным и в тех книгах В. С. Гроссмана, которые посвящены Великой Отечественной войне, — во фронтовых очерках и рассказах, в повести «Народ бессмертен» и других произведениях, написанных в дни войны.

Решив отобразить величие подвига советского народа в Отечественной войне, писатель начал работу над большим художественным полотном — эпопеей «За правое дело».

Приветствие заканчивается пожеланием успешного завершения эпопеи «За правое дело» и других творческих замыслов писателя.

Новый альманах

В Запорожье вышел первый номер литературно-художественного альманаха областного литературного объединения «Вогні Запорожжя».

В альманахе опубликовано новое произведение писательницы О. Джигурды «Тыловые будни» (из записок военно-морского врача), стихи об индустриальном Запорожье поэтов П. Ребро, М. Ласкова и других, рассказы С. Мажуло, А. Фримана, В. Горшковского.

Казахские народные песни

АЛМА-АТА. (Наш корр.). На казахском языке издан подготовленный сектором искусствоведения республиканской Академии наук сборник народных песен. Это первое издание казахского музыкального народного творчества, в котором даны ноты и тексты старинных и современных песен. Их в сборнике более двухсот. Они записывались у певцов, акынов, участников музыкальной самодеятельности.

Большими успехами

Книгу, на обложке которой стоит короткое слово «Лирика», всегда открываешь с восторгом. Еще бы... Ведь читатель жаждет на нехватку лирических стихов, на их качество, и жаждет справедливо. Поэтому, свою новую книгу, недавно душевную; а сумел ли автор поднять круг личных переживаний до таких высот, когда бипе сердца читателя начинает резонировать каждой его строке? Но замкнулся ли он в мирке своих волнений? Или в работе, куда не интересно проникать стороннему человеку?

Книга молодого туркменского поэта Ата Атаджанова тоже называется «Лирика» (Ашхабад, 1955). По этой книге можно проследить за трудным движением нашей лирической поэзии, в том числе туркменской, к освоению широкой темы, интересной для большого круга читателей.

...На одной из первых страниц — стихотворение «Явления»: слованое внятом дерзко чинят зацвела, приветствуя побисодный солдат. Ну кто из поэтов не побисод от этой злобы? Ей и лопали, и жгли огнем, и подрубали, и давили танком, а она осталась и вновь цвела. И правильно цвела. А поэты поступают неправильно, когда одинаково и одножонко обращаются к одному и тому же образу.

Наряду с этим стихотворением, как бы потерявшим своего автора, вдруг читаешь

Рассудок и любовь

В журнале «Театр» за 1955 год опубликованы две новые советские пьесы, авторы которых не знакомы. В оглавлении № 7 читаем: Е. Феличев — «Суд матери», в № 8: Ю. Новикова, Р. Павлов — «Зеленая палочка».

В драматургии входят новые лица. И потому с особым волнением рассматриваем журналы, придирчиво проверяя: что это — одиозный или начало пути, широкого и перспективного?

И вот интересно. Пьесы — разные, не схожие друг с другом ни сюжетом, ни образами, ни авторским почерком, а впечатление они оставляют общее, и впечатление это двойственно. Авторы серьезно и во многом профессионально деботворяли в труднейшем литературном роде. И в то же время, дочитав ту и другую пьесу до конца, нельзя не испытать чувства разочарования.

Что прежде всего привлекает в этих произведениях? В плане идейном — стремление изобразить жизнь в ее сложности, в драматических коллизиях, в борьбе.

В плане художественном — уверенный, четкий профессионализм. Умело построены сюжет, напряженность действия, своевременность комических «взрывков», ряд интересно выписанных ролей.

Человек проверяется на крутых поворотах, вот едва ли не главная мысль первой пьесы — «Суд матери». В семье Челышевых большое горе. Младший сын Егор, и без того многое напугавший в своей жизни, брошенный институтом накануне защиты диплома, неожиданно возвращается домой из Ольховки, где он работал, как думали все, электросварщиком. На заводе произошла авария. Не по вине Егора, его брат, его брат, его брат, — как обещает, обещивает автор драму семейства Челышевых. Это обоснование искусственно и несет в себе оттенок фатализма.

У Новиковой и Егора есть отец, в пьесе не фигурирующий. Когда-то, 20 лет назад, Екатерина Алексеевна Челышева разошлась с мужем, пошлым, «Криптическим» человеком, боясь как бы он не испортил детей. Вот в этом-то вневременном персонаже пьесы и заключен, по мысли автора, корень зла. Старший сын Егорий успел «присобираться» к вневременной морали отца и оказался благонамеренным подполком. Младший Егор, отца почти не знал, и потому он чест душой, хотя горяч и совершает грубые жизненные ошибки. И даже в нынешних его тяжелых обстоятельствах также пошлы отец — это он «устрашил» Егору фальшивый диплом инженера.

Мало того: в судьбе Николая целиком отражается судьба его отца. Жена Николая Лада решает уйти от него, точно так же обегая от зла своего десятилетнего сына Васю. История повторяется, она видится автору бесконечно, влияние плохого отца на ребенка волей-неволей предстает в пьесе как что-то неотвратимое. Пьеса тем самым приобретает прикус фальшивой мелодрамы. И это тем более обидно, что ее тема существует вне каких бы то ни было «родословных» корней.

О пьесах «Суд матери» и «Зеленая палочка» не скажешь, что их герои, раз созданные авторами, зажали жизнью свободной и независимой. Они слишком уж строго «ведомы» писателями, слишком завист от их произвола. И потому, должно быть, в этих пьесах больше принадлежат образы, оставшиеся на периферии авторского задания и получившие тем самым некоторые личные права. А герой, который эмоционально увлек бы нас, заставил полюбить себя, — ни в том, ни в другом произведении не оказался.

Что ж в результате? Мы познакомились с пьесами, которые — пусть одна больше, другая меньше — заслуживают того, чтобы их судили по большому счету, без скидок на профессиональную неопытность. Но пьесы эти были не такими округлыми, не такими законченными, но зато картина жизни, в них нарисованная, пленяла нас штрихами широкими и свободными, покоряла своей неожиданной правдой, силой горячих и искренних чувств. Разум — первый слуга писателя, но плохо, когда в произведении искусства, совсем не по Пушкински, молчит любовь и вступает только рассудок.

З. ВЛАДИМИРОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Поэзия родной земли

Поэт рассказывает, как в детстве ему открылся мир простой и захудалой красоты. Свое приключение перед нею он пронес через все жизнь. Не только образы и звуки берегла ему память, он сохранил больше: восторг перед щедростью природы, ясную и гордую веру в человека. Он бережно подбирает приметы родного края: волжский разлив, степной простор, саратовские застывшие... Он рассказывает о хлебопашах и войнах, о детях и девушках незаметными и точными словами. Правда детских впечатлений, подтвержденная всей последующей жизнью, стала правдой его поэзии.

В этом — обаяние книги стихов Антона Пришвина «Мой кустер» («Советский писатель», 1955). В ней нет разнообразия и сложности, но удивительны ее постоянство и единство. Тема ее — родная страна, скромная прелесть природы, сила и талантливость народа. В его стихах красноречивая каждая абония и каждый степной колодец. Река Хопер, Сенжеское озеро, станция Расторгуево, волжские плесы — не случайные поэтические этикетки, а точно названные любимые места. Увиденное и пережитое не украшено и не возвышено. Оно осталось обычным и знакомым, только согрето лирическим чувством. Так написаны и пейзажи и люди. К Пришвину можно отнестись доверчиво, он выступает без позы. Поэт не знает восклицательных знаков. Он уважительно говорит о труде и о поэзии. Молодой боев «не мечтал прославиться героем», но под огнем переплыл с товарищами реку и пять часов оборонялся от жестокого натиска на узком клочке земли. «Ну, вот и все, чем отличился он». У Пришвина не встретится «яростной» любви, но горит в его стихах скромное чувство и утверждается молчаливая верность.

Августовской степи теплыня, Мотыльковая легкость плять, Горько пахнущая польня И две слезки на закате.

Стихи Пришвина читаешь, как страницы дневника, где записаны события и лучшая жизнь нераздельны. Колхозная элект-

Люди горных вершин

Предмет описания журналиста А. Сотникова яркая, кипучая жизнь современного Алтая. Сборник его очерков озаглавлен «На горных вершинах» (Горно-Алтайское книжное издательство, 1955). Читается, что автор видел, знает то, о чем рассказывает, — будь то уроки географии, которые так творчески ведет учительница Шадрина, будь то бесконечные по бездорожью рейсы, что продвигает колхозный киноаппарат Иван Борисов, или неустанная забота о коне табушичка Кусмама Байгалеева. Б достоинством очерков А. Сотникова следует отметить и их сластость, яркость, умение автора выделить основное в каждой зарисовке.

Авторские удачи почти всегда связаны с изображением того живого, что он непосредственно увидел, подслушал, запечатлел, что рождено самим народом. Так, в главном очерке «На горных вершинах» сразу же запоминается рожденная народом несию о первом на Алтае автомобиле. И действительно, как конкретно, выразительно и своеобразно рассказал безвестный поэт о первом вытеснении от невольной машины. «И сегодня встретил на дороге быстрого, как молния, коня: гоубой, бестыпный, круглоухий, а в глазах больших — сныи огни». Эта же конкретность народного видения присуща лучшим строчкам, а иногда и страницам очерков Сотникова.

Но тут же, рядом с живым, убедительным, впечатляющим, — штампованные, примелькавшиеся фразы. Не трудно добавить, что они приходят к автору уже «готовыми», что личное его творчество в этот момент исчезает: «Едут Борисов и Тушин по высоким горам, через леса, обступившие дорогу с обеих сторон, и вдохновенно разговаривают о своем благородном труде». «В совершенности киноаппарат Иван Борисов и Анатолий Тушин позавидуют пример честного, высокообразовательного выношения своего почетного долга». «Тутушествует воевое дело начинает советом с дохлосниками, вдохновенным рассказом, увлекает их на творческий труд». «С упоением оговори второй табушичок о своей работе, о страстном желании добиться, чтобы родной колхоз и в будущем году

М. АЛЕКСЕЕВ

Людям горных вершин

Предмет описания журналиста А. Сотникова яркая, кипучая жизнь современного Алтая. Сборник его очерков озаглавлен «На горных вершинах» (Горно-Алтайское книжное издательство, 1955). Читается, что автор видел, знает то, о чем рассказывает, — будь то уроки географии, которые так творчески ведет учительница Шадрина, будь то бесконечные по бездорожью рейсы, что продвигает колхозный киноаппарат Иван Борисов, или неустанная забота о коне табушичка Кусмама Байгалеева. Б достоинством очерков А. Сотникова следует отметить и их сластость, яркость, умение автора выделить основное в каждой зарисовке.

Авторские удачи почти всегда связаны с изображением того живого, что он непосредственно увидел, подслушал, запечатлел, что рождено самим народом. Так, в главном очерке «На горных вершинах» сразу же запоминается рожденная народом несию о первом на Алтае автомобиле. И действительно, как конкретно, выразительно и своеобразно рассказал безвестный поэт о первом вытеснении от невольной машины. «И сегодня встретил на дороге быстрого, как молния, коня: гоубой, бестыпный, круглоухий, а в глазах больших — сныи огни». Эта же конкретность народного видения присуща лучшим строчкам, а иногда и страницам очерков Сотникова.

Но тут же, рядом с живым, убедительным, впечатляющим, — штампованные, примелькавшиеся фразы. Не трудно добавить, что они приходят к автору уже «готовыми», что личное его творчество в этот момент исчезает: «Едут Борисов и Тушин по высоким горам, через леса, обступившие дорогу с обеих сторон, и вдохновенно разговаривают о своем благородном труде». «В совершенности киноаппарат Иван Борисов и Анатолий Тушин позавидуют пример честного, высокообразовательного выношения своего почетного долга». «Тутушествует воевое дело начинает советом с дохлосниками, вдохновенным рассказом, увлекает их на творческий труд». «С упоением оговори второй табушичок о своей работе, о страстном желании добиться, чтобы родной колхоз и в будущем году

М. АЛЕКСЕЕВ

Повесть о ткачах

Знаменитой Ивановской ткацкой фабрики, так называемой «текстильной Магнитки», посвящена повесть М. Златогорова «Крепкие нити» («Молодая гвардия», 1954).

Эта просто и скромно названная книга, отнюдь не претендующая быть широким полотном, рассказывает о радостях труда, о горести мастеров, имеющих законное право говорить о себе: «Ткачи! Мы народ одеваем!»

Среди них и старая заслуженная производственница, участница революции 1905 года, бравошица Наталья Алексеевна Юрина, которая за каждым обнаруженным на матери изыском «видела не просто нарушение того или иного пункта технической инструкции. Она видела живых работниц».

Тут и старый мастер ткацкого рисунка, «жесткий ткач», Иван Яковлевич Силынин. И директор фабрики Корстелев, внешне суховатый, но на деле внимательный, чуткий к нуждам рабочих человек. И, как бы воплощая светлую молодость, ткачиха Вера Новикова. И матерински участливая работница Зоя Романова с ее жизненным заветом: «лучше лавать, чем брать».

Много хороших людей в повести. Но автор не приукрашивает действительности, он показывает, что, как и в каждом большом коллективе, люди здесь разные. Есть и врачи, и эгоисты, и равнодушные. Чиничен и груб мастер Жохов, человек «вчерашней славы». Он принадлежит к тому типу людей, которые зарабатывают свой авторитет шумихой и бахвальством. Рвач и кулак, прикрывающийся слейной красоткой, выступает в лице бывшего ремонтного мастера фабрики Иннокентия Ягодкина, сразу же после отмены карточек бывшего производственника, променявшего цех

(Окончание на 4-й стр.)

Литературная газета

ДРУЖБА КУЛЬТУР

Нет сомнения, что поездка Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индию, как и визит Джавахарлала Неру в СССР, — это исторические вехи все развивающихся отношений дружбы и сотрудничества двух великих народов. Мы, советские люди, гордимся тем приемом, который наш друг, многомиллионный индийский народ, оказал товарищу Булганину и товарищу Хрущеву.

Индия — великая страна, по которой природа богато рассыпала свои дары. Культура индийского народа насчитывает пять тысячелетий, она близкий ровесник древним культурам Китая, Египта, культуры Греции. Особенность индийской культуры заключается в ее яркой оригинальности и глубоким проникновением ее древних философских идей, тонкой музыкой и танца в самую гущу народных масс. Видимо, в этом причина удивительной стойкости этой культуры. В любом уголке Индии чувствуется живое дыхание богатых культурных традиций, которые устояли в условиях двухвекового господства англичан.

Опыт последних лет показал, что независимо от различия общественного строя и неодинакового подхода к многим проблемам жизни советские люди и индийцы плодотворно сотрудничают в области культуры. Этому способствует народность, а следовательно, и гуманный характер культур наших народов, что, к слову сказать, отличает подлинную культуру каждой нации, выделяя ее от случайных наусов времени.

В этом, думаю, — общность национальных культур народов Советского Союза и Индии, и эта общность объединяет.

Дели товарищем Хрущевым мысль о создании в СССР такого учебного заведения, в котором лучшие и талантливейшие молодежь изучала бы язык хинди и другие индийские языки. Надо надеяться, что перемены, которые происходят в Индии министр культуры СССР тов. Михайлов, также принесут свои плоды в направлении расширения, а главное, углубления культурного сотрудничества СССР и Индии.

Мы, работники ВОКС, надеемся, что большую роль в развитии этого сотрудничества сыграют общественные организации СССР и Индии, в частности Индо-советское общество по развитию культурных связей.

В феврале этого года, когда советская культурная делегация посетила в Индии, Джавахарлал Неру, прощаясь, сказал нам: «Дружба вызывает дружбу». Это мудро и глубоко верно.

Мы, советские люди, при поддержке миролюбивых народов великой Индии. Мы уверены, что визит товарищей Булганина и Хрущева в эту солнечную и ныне свободную страну послужит дальнейшему развитию всестороннего экономического и культурного сотрудничества и дружбы братских народов Индии и Советского Союза.

Созидательный труд и общее стремление к миру — залог прочной и искренней нашей дружбы.

В. ЯКОВЛЕВ,
заместитель председателя правления ВОКС

Фальшивомонетки из „Ньюсуик“

Журнал «Ньюсуик» издается в Нью-Йорке. Далеко, очень далеко от берегов Гудзона до реки Конго. Но «Ньюсуик», не смущаясь расстоянием, — даже не за тридевять земель, а можно сказать, за тридевять вод, — первым из своих собратьев увидел грозящую опасность, нависшую над всем африканским континентом. Это случилось 28 ноября в этот день вышел в свет номер журнала со статьей под устрашающим заголовком: «Коммунисты тянутся к Азии — Африка на очереди».

Свой гороскоп для целого африканского континента звездочеты из «Ньюсуика» составили по всем правилам, предписанным опытным магам «холодной войны». Африку, «обтупленную волнениями», ожидают новые беды, запугивают нью-йоркские редакторы. Советский Союз, оказывается, намерен расширить торговлю не только со странами Азии, но и Африки, он «намерен обратиться к ним с грандиозным предложением экономической помощи и сотрудничества», — сообщает журнал.

Прорицателям из «Ньюсуика» не приходится поминутно заглядывать в словарь словечек и выражений, излюбленных поборниками «холодной войны». Расширение торговых отношений, укрепление дружеских связей между Советским Союзом и странами Азии и Африки журнал объявляет «попыткой деятельности», составленной частью «хитроумного» плана порабощения, конечно же, «приятного Москвы».

Гороскопы нью-йоркских звездочетов давно уже не внушают доверия. Да и кто, не рискуя оказаться в смешном положении обманутого простака, примет в наши дни на веру вздорные вымыслы о том, что коммунисты «забиваются» с помощью торговых контрактов? К тому же хорошо известно, что Советский Союз стоит и стоит за всемерное расширение торгового обмена между странами на равных началах, к взаимной выгоде обеих сторон, что он оказывает техническую и экономическую помощь слабо развитым странам, не навязывая в отличие от западных держав, каких бы то ни было военных или политических условий.

Понимают это и на 42-й улице, где помещается редакция журнала «Ньюсуик». Понимают, и в поисках неопровержимых «доказательств» вытаскивают из кладовых

политических фальшивомонетчиков весь топ угорей, горючим поношенный, выщепленный скарб, который немало послужил фабрикантам антисоветских фальшивков.

Подробная инвентарная опись этого скарба, набранная убожеством шрифтом, едва уместится на двух журнальных страничках «Ньюсуика». Здесь и наискрознейшие директивы о «сприонировании» от Туниса до Кейптауна, от Лагоса до Мадагаскара, и таинственные школы «для обучения туземцев искусству революции», и карты оружия в «глубине джунглей», и «коммунистические агенты» в рясах служителей православной церкви («самый известный и самый опасный из них» носит, оказывается, кличку «Враг дьявола»), и другие, столь же унылые бредни. На гороскопе, составленном «Ньюсуиком», весьма чувствительно, как видим, сказались хронический кризис, в котором пребывает столь модный в разгар «холодной войны» жанр антисоветской фальшивки.

«Ньюсуик» счел нужным предостеречь своим прорицанием предсказание. Но еще больше, чем в предисловии, нуждаются они в послесловии. В качестве такового можно было бы привести небольшую выдержку из того же журнала. Совсем недавно, всего месяц назад, размышляя вслух о превращениях «колониализма, который поднимает одну из наиболее трудных проблем нашего времени», «Ньюсуик» так охарактеризовал американскую политику: «...С реалистической точки зрения мы соглашаемся с колониальными державами, которые все являются союзниками США, что наибольшая часть Африки... еще не подготовлена для самоуправления. Слишком большая поспешность означала бы также потерю жизненно важного сырья...».

Словом, как в поговорке, известной африканцам: «До жирного сыра всякий червь падак...».

«Реалистическая», а точнее — открытово колониальная, точка зрения и объясняет тайну появления на страницах «Ньюсуика» африканского гороскопа. Как и злопыхательские комментарии некоторых реакционных газет, журналов и агентств, он подготавливает для того, чтобы подорвать доверие стран Азии и Африки к нашему всеобщее признание принципам международного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

на «собственную мастерскую». Отвратительное хамское обращение с женой, молодой ткачихой Лидой Зарубиной, сын Ягодкина — агонист и «шизон» Виталий.

Лидя Зарубина — один из наиболее подробно разработанных образов повести. Вначале это пустая и легкомысленная девушка. Автор хотел показать, как суровые жизненные испытания, а затем сочувствие и забота комсомольцев воспитывают в ней новое, сознательное отношение к жизни, к товарищам, к труду.

Однако события, связанные с конфликтом, возникшим между Лидой и ее мужем, в частности, наивная, слишком промозглени попытка общественности фабрики воздействовать на поведение Виталия Ягодкина, отдают дидактической схемой.

Удачей писателя образ секретаря комсомольской организации Клавды Зайкиной, в лице которой высшая бюрократизм. «Только в президиуме умеет сидеть да речку по бумажке читать», — говорит о ней молодежь.

Интересны страницы повести, посвященные созданию штапельной ткани. В то же время именно в них отражен один из главных недостатков книги, именно они показывают, что автор не преодолел двойственности жанра: повесть и очерк, имеющая каждый свои законы, не сливаются здесь воедино. Важнейшая в ходе повествования производственная задача — освоение новой ткани, вокруг которой разветвляется ряд творческих и психологических конфликтов, — должна была бы стоять в центре сюжета, а она выпадает, как частный случай, где-то в последние трети повести, имеет проходной характер. Так же эпизодичен и ряд других фактов и событий, изображенных в книге. Автор стремится как можно полнее показать социальное производство, быт советских рабочих: тут и строительство новых жилых домов, и вечерние рабочие школы, и спортивные состязания, и концерты мастеров искусства, и самодеятельность. Но нередко это летает быстро, чуть ли не пересчитанно.

Отсюда возникают и многие эпизодические фигуры, написанные эскизно, не связанные тесно с сюжетом. Они создают невроту имен и служебных положений.

Создается впечатление, что материал

СЛОВО ГОРЯНКИ

Несколько лет назад мы впервые услышали имя молодой аварской поэтессы Машид Гаирбековой. Ее горный край — Дагестан славится своими великолепными поэтами, но поэтесс там не было, — она стала первой. Впрочем, вероятно, и до нее были женщины, втиснутому складывая свои песни, но

...Был суров наш обичай —
Горы не знали победного чуда:
Их непривычно, чтоб голос девичий
Вторил любовным напевам Махмуда.

Лишь при советской власти получили женщины-горянки право на дар вдохновения, и естественно, что тема эта, тема раскрепощения женщины, и является основной в книге М. Гаирбековой «Слово горянки», вышедшей в нынешнем году в издательстве «Советский писатель».

Я та, моя бабка по дворян просила
И подбавила крохи со стола,
Чья мать, — она сейчас еще красавица,
За хлеб когда-то косы продала...
Машид Гаирбекова — яркая. Стих ее отличается образностью: «...Я сердце вложила в ладони любви» или: «...Луна заворчалась в тучах, как ягненок за пазухой у чабана, чтобы на ночь устроиться лучше».

Веселый и мудрый народ живет в горах Дагестана. Без яркого, лукавого, брызжащего, как вино, юмора невозможно представить себе ни Сулеймана Стальского, ни Гамзата Цадаса, ни Расула Гамзатовна. Нужно отметить, что и у М. Гаирбековой наиболее удачны стихи веселые, с шуткой — «Ую ковра», «Виноград», «Кукучка» — они, кстати сказать, отлично переведены Я. Колосовским.

В узлах сборника следует отнести также стихи «Свирель», «Моей матери», «Мальчики в арбе», «Поутру, когда по тропке...», «Игненок», «Разговест в закатыных лучах вышняя...».

Но не все в книжке равномерно. Есть стихи хорошие. Есть и стихи, которые

уже читанные прежде, написанные по трафарету. Вот старик козхозник ведет с председателем «душевный разговор»:

... Ты улыбаешься, сынок,
Ты думаешь, сынок:
«Зачем работа старухе?
Он отслужил свой срок...»

Пусть я прожил долгий век,
Пусть я стал седым,
Я, друг мой, чувствую себя,
Как прежде, молодым.

Конечно, в жизни много людей, которые, несмотря на преклонный возраст, не жалеют коротать свой век на пашке, но в нашей литературе и особенно в поэзии уже множество раз описывался, стал штампом этот «коммунизм идущий лед». Если уж писать о таком человеке, то нужно писать по-новому, по-своему.

В сборник включены две поэмы. Первая — «Недоиманное письмо» — кажется мне неудачной: рыхлой и сентиментальной. Чувствуется неумение поэтессы строить сюжет; вообще это не поэма, а чрезвычайно многословное стихотворение. На мой взгляд, не один десяток стихотворений, и стихотворений сюжетных, нужно написать поэту, прежде чем браться за поэму. Вторая поэма — «Далекая сестра» — тоже очень растянутой, но уже больше похожа на поэму. Интересно параллельное развитие действия: с одной стороны — лирическая героиня, советская девушка, а с другой — турчанка Марджан, девушка, проданная за долги и в конце поэмы принимающая участие в революционной борьбе. Жаль только, что недостаточной мотивирован и слишком скромна этот переход — от рабыни, которая хочет покончить с собой, к подпольщице, распространяющей листовки. Его нужно было показать, а не просто упомянуть, ведь это и есть развитие характера, что для поэмы — главное.

Нужно сказать, что в этой поэме есть немало поэтически находок, удачных строк и строчек. Некоторые главы поэмы могут существовать отдельно, как хорошие лирические стихи: «Счастье», «Ты прими мой подарок», «На фабрике», «Песня «Мой черны платок»...».

Сборник «Слово горянки» — в целом удачен, но Гаирбековой надо еще много и упорно работать. Тем более, что Машид Гаирбековой есть у кого поучиться, — аварская советская поэзия богата и разнообразна.

Константин ВАНШЕНКИН

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

АМЕРИКА И АМЕРИКАНЦЫ ВСТРЕЧИ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

В гостях у Лиона Фейхтвангера * Газета Марка Твена * Разговор с Говардом Фастом * Поль Робсон поет * Почему мы не увидели Хемингуэя и Стейнбека?

Писатели и журналисты, читатели в письмах и при встречах настойчиво атакуют нас вопросами: — видели ли мы с американскими писателями, как живут Хемингуэй и Говард Фаст, что пишут Стейнбек, Фейхтвангер, Альберт Кан, как чувствует себя Поль Робсон? Учитель этот живой и всеобщий интерес, мы, несколько нарушая хронологию повествования, и расскажем о встречах, которые никогда не забудутся.

В Лос-Анджелесе, городе высоких, тонких пальм и сухого тумана, нефтяных скважин и кинозвезд, живет Лион Фейхтвангер, автор «Иудейской войны», «Лже-Нерона», «Гойя» и многих других книг, широко известных советским читателям. Мы, получив приглашение, решили немедленно известить этого выдающегося писателя, пользующегося мировым признанием и популярностью. Так как это не входило в нашу официальную программу, мы поставили в известность о своем решении сопровождавших нас представителей госдепартамента.

У Лиона Фейхтвангера

— Нет и нет, — воспротивились они. — Этого нельзя.
— Но почему?
— Фейхтвангер — красный!...
— Помилуйте, — изумились мы, — Фейхтвангер во всем мире известен как автор исторических романов, не имеющих ничего общего с коммунизмом! Почитайте хотя бы Британскую энциклопедию... Представитель госдепартамента задумался.

— И никогда не читал книг этого парня и ничего не знаю о нем, — сказал он. — Люди, которые составляют у вас подобные сведения, — несведущи, они зря слят хлеб... Спор затеивался. Мы настаивали на встрече. Мы напомнили, что американская пресса и «Голос Америки» оглушили весь мир гимнами американской свободе, но какая же это свобода, если журналистам не дают встретиться с писателем? Однако пресса — прессой, а госдепартамент — госдепартаментом. И тогда, впервые в Америке, мы забуктовались и заявили:

— Если вы не разрешите встречи с Лионом Фейхтвангером, мы дальше не едем и возвращаемся домой... И ведем будем рассказывать, как железный кордон установили вы вокруг известного и уважаемого во всем мире писателя!.. Как говорится, стороны разошлись, не достигнув взаимопонимания. Утром, неспавшишей и усталый, к нам пришел представитель госдепартамента:

— Послажите... Мне пришлось всю ночь наводить справки и согласовывать... Мы не виним лиц, сопровождавших нас, — они действовали по инструкции. Но можно себе представить, какие аттестации на деятелей культуры составляют в госдепартаменте США!

Мы проехали центр Лос-Анджелеса, миновали густо населенные окраины и, проехав лес, выходящий какой-то небольшой ручейкой, поднялись по шершавой узкой дорожке в предгорья. Небольшой домик Фейхтвангера стоит в окружении деревьев и цветоч, с веранды открывается вид на Тихий океан, серебристая поверхность которого влилась с небом. Вокруг тихо дышит осень, шевеля красноватую листву. В кабинете внизу, примыкающем к веранде, в коридорах, вдоль лестниц — входы книги и книги. У нас создавалось впечатление, что сами стены в этом доме сложены только из книг! Вошел Лион Фейхтвангер, невысокий живой человек, с волосами, глубоко пересыпанными сединой. Он поздравил нас с нами и задал нетерпеливый вопрос:

— Что нового в Советском Союзе? Как поживают писатели, что пишут?
Мы отвечали. И задавал вопросы в свою очередь — о новых книгах, о замыслах.

— Я дамлюсь у меня много! — улыбнулся Фейхтвангер. — В сущности, я с утра до вечера работаю, а когда ложусь спать, не могу отойти от мысли о работе: обдумываю и взвешиваю написанное за день, планирую и намечаю новые эпизоды. Кроме того, много читаю... Писатель должен много знать, очень много!

Мы спросили Лиона Фейхтвангера о новой книге.

— Мой новый роман называется «Яфет и его дочь», в нем трактуются вопросы истории Палестины. Но историческим он является только по форме, а по существу — это антивоенная книга. Речь идет о том, как у война возникает отращивание к убийству и тяга к мирному труду, как он превращается в Человека с большой буквы... Нет, сюжетно этот роман не связан с предыдущими и является самостоятельным... Кроме того, писатель работает над пьесой «Суд над Марией Антуанеттой». Еще одна его пьеса создается на материале из истории Америки и называется «Погона за ведьмами в Бостоне». Увлекается Лион Фейхтвангер собиранием редких книг — в его библиотеке находится Софокл, принадлежавший Мисселанджело и замечательный его родственник, четвертое издание Шекспира, которое легло в основу всех других, первое издание Шутарфа на английском языке, которм, как есть основания утверждать, пользовался Шекспир. Любимою оладываю библиотеку, Фейхтвангер вздохнул:

— Если мне удастся заработать немного денег, и куплю себе книг, а моя жена — деньги для сада... Мы пробыли у Фейхтвангера несколько часов. Разговор шел о литературе, о том, что военный пейзаж, созданный некоторыми реакционными и милитаристскими

кругами, мешает общению писателей и наносит ущерб мировой литературе, о том, что всякий честный литератор, забочающийся о благо народов, должен внести долю своего труда в дело взаимопонимания и дружбы. Когда мы уходили, писатель сказал:

— Пишите мне, пожалуйста, сообщайте новости... Хорошо, когда писателю не мешают работать, но плохо, когда о нем забывают!

В заключение Лион Фейхтвангер просил передать привет советским читателям.

Когда мы ехали к Фейхтвангеру, нас предупреждали, что гостям постараются в комментариях «подложить спину» за этот визит. Но, видимо, благодарные взяли верх. Обиались только фоторепортеры, которых писатель не пожелал видеть. Они и сообщали газетам, что «германский новеллист был ветреном визитом советских редакторов и попросил не фотографировать его с ними». Насколько это соответствует действительности, свидетельствует наша фотография.

Мелкие инсинуации лос-анджелесской прессы напомнили нам другой, уже исторический случай.

Есть в штате Невада маленький городок Вирджиния. Расположен он в предгорьях и состоит, собственно, всего из одной не слишком длинной улицы. Когда-то здесь были золото и серебро, городок жила кипучей жизнью, до утра шумели салуны, в театрах ставились шекспировские пьесы и старатели награждали аллоементами или стаскивали со сцен акторов. В 1863—1864 гг. здесь, в маленькой типографии

Советские журналисты дома, где помещается редакция газеты, издаваемой Марком Твеном. Четвертый справа — господин Люшес Библ. Вверху — заголовок выходящей и теперь газеты «Территориал энтерпрайз»

полуподвального этажа, издавал газету знаменитый американский писатель Марк Твен.

Вскоре, однако, Марку Твену пришлось бежать из Вирджинии — его травил соборья из конкурирующих газет, а так как Марк Твен умел постоять за себя, то отношения сложились до того остро, что писателя вызвали на дуэль. Однако дуэли были запрещены, и чтобы не попасть в провокацию, Марк Твен предпочел уехать. В 1869 году он написал рассказ-памфлет «Журналистика в Теннесси», в котором высмеивал нравы американской прессы того времени, и многие полагают, что материал для этого рассказа послужили приложения и злоключения писателя в Вирджинии.

Однажды золото истощилось и серебро тоже. В городок Вирджиния ушел. Прошло много лет. Американский журналист Г-н Библ написал книгу о ночной жизни Нью-Йорка, стал очень богатым человеком, потому что книга имела успех. После этого Люшес Библ, человек по-своему очень оригинальный, покинул шумную столичную пресу, переехал в Вирджинию, восстановил в городке, который все еще в одной улице, снова воскрес, но на этот раз в качестве музея! Он живет за счет многочисленных туристов. Мы тоже были в этом городке, выпили по приглашению Люшеса Библ виски с содой в салуне и осмотрели две типографии: в одной из них издавал свою газету Марк Твен — здесь стоят старые машины, пропаленные стулья и оборуданные давно минувшие времена; в другой, тоже маленькой, но оборудованной современными машинами, издает свою газету Люшес Библ. В формате, в рисунках, в объявлениях, в манере подачи материала он старается выдержать эту новую газету в духе той, которую издавал Марк Твен. Это — бизнес Люшеса Библ и в то же время — это дань уважения к памяти великого американского писателя.

Вернувшись в Нью-Йорк, за два дня до отъезда домой, мы встретились с Юлем Робсоном, Говардом Фастом, Альбертом Каном, Майклом Годлу. Представитель госдепартамента Эдмунд Глен догадываясь о нашем намерении, но не отговаривая нас — он тоже излечил урок из сцены в Лос-Анджелесе! Он только советовал: «Потиме, поаккуратнее, чтобы никто не знал... Уже из этого можно заключить, в каких условиях приходится жить всемирно знаменитому артисту и писателю, чьи таланты давно признаны у них на родине и за рубежом.

Машины остановились на маленькой, скудно освещенной улице. Старый эфот в старом доме доставил нас в небольшую, но уютную квартиру. Здесь уже были Говард Фаст и Майкл Годл, через несколько минут приехал Поль Робсон, а за ним и другие участники встречи. Поль Робсон

Поль Робсон. Эта фотография была подарена советским журналистам

только недавно вышел из больницы после операции, выглядел усталым. Явизет он трудно, выступать ему нелегко, вылез из США на разрешают. У него удивительно доброе лицо и глубокие, задумчивые и ласковые глаза.

Сдавьясь на наши просьбы, Робсон спел несколько песен — сначала тихо, осторожно, потом с полным баском того изумительного искусства и той глубины чувства, которые свойственны ему одному.

— После болезни первый раз пою, — улыбнулся он. — И с удовольствием!

Говард Фаст, живой, веселый, неутомимый, с неспешной жаждой рассказывал нас о новостях литературы, о знаковых писателях, много шутил и смеялся.

— И я пишу, — говорил он. — Без передышки и остановки... Надо!

— У нас понравилась реботам ваша книга «Тони». Не собираетесь ли написать еще что-нибудь в этом роде?

— Чего я только не собираюсь!.. Очень много тем, много интересных — только бы успеть...

В общем разговоре Альберт Кан, Говард Фаст, Майкл Годл говорили о любви к Америке, о трудолюбии ее народа и его прямом и честном характере. Спросили нас: как понравилась Нью-Йорк? Мы сказали, что понравился, только, пожалуй, кое-где крикливая реклама. Говард Фаст сказал:

— Тут дело традиций и привычек!.. Американцы привыкли к рекламе, уберете ее в один прекрасный день всю сразу — и он не будет знать, что ему делать и куда идти за покупками. Когда я вернулся из армии, я вышел на Бродвей, увидел рекламу и расплакался от радости, — я почувствовал, что наконец-то вернулся домой!..

Встреча прошла дружески, на душе у каждого было тепло. Разговаривали, смеялись, пели. И все-таки мы понимали, что живется нашим друзьям тяжело. — в Америке много говорится о свободе печати, но чтобы печататься, нужно иметь издательство. А издательства — частные! Поэтому талантливому публицисту Майклу Годлу приходится работать на конейере, чтобы свести концы с концами, а Полю Робсону и Говарду Фасту рассчитывать каждый доллар.

Уходили мы поздно, уносили с собой бесчисленные приветия московским друзьям и долго не могли заснуть, взволнованные встречей с этими мужественными и честными людьми, готовыми ценой собственных лишений платить за свою высокую любовь к Америке и ее народу.

Утром следующего дня, за сутки до отъезда из Америки, мы навестили легендарного автора романа «Обод» — Этель Лилан Войнич. Об этой встрече уже рассказывалось в печати, но мы думаем, что читателям будет небезинтересна фотография автора «Обода».

Нам так и не удалось повидать Хемингуэя. Мы много слышали о его общительности и гостеприимстве, но по одним све-

Этель Лилан Войнич

дениям — он находился в это время на Кубе, по другим — плавал где-то на своей яхте. Страстный рыбак и путешественник, он редко живет на одном месте. По этой причине и не состоялась наша встреча.

Стейнбек, автор «Гроздьев гнева», книги, широко известной советским читателям, живет в Южных штатах. По причинам, нам неизвестным, посещение этих штатов иностранцами не поощряется. Мы были иностранцами — этим все сказано.

Но мы никогда не забудем тех встреч, которые состоялись!

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).